

Самое заглавие его позднего происхождения и не может поколебать сделанного на основе сравнительного изучения „Слова“ и „Моления“ вывода о том, что сочинение Даниила в оригинале называлось „Словом“.

Таким образом, „Слово Даниила Заточника“ по своей жанровой природе является, повидимому, произведением светского ораторского искусства древней Руси и в этом направлении главным образом должно идти его дальнейшее изучение. Вся важность данного вопроса становится особенно очевидной, если мы учтем, что „Слово Даниила Заточника“ написано, как я стремлюсь доказать ниже, на несколько десятилетий раньше „Слова о полку Игореве“. Жанровую природу „Слова Даниила Заточника“ необходимо учитывать уже и сейчас при дальнейшем комментировании его: благодаря этому вернее раскрывается подлинный смысл его отдельных мест и его идейный замысел в целом.

Комментируемое мною место (второй параграф) важно еще в одном отношении. В нем, на мой взгляд, сформулирована основная цель „Слова“, то, что побудило писателя взяться за перо, написать свое „Слово“ в расчете, очевидно, произнести его перед князем. Можно только поражаться тому, что за стопаздцатилетнюю историю изучения „Слова“ никто из ученых не обратился к этому месту, и оно настолько казалось и кажется непонятным или риторически бессодержательным, что даже выпускалось в хрестоматийных изданиях для высшей школы.

Привожу это место в переводе:

„Был язык мой, как трость книжника скорописца, и речь, успокаивающая, как струя речной быстрины (см. V, XIX). Поэтому-то я попытался написать о путях, сковывающих мое сердце, и с ожесточением разбил их, как некогда младенцев о камень“.

Трудно было с большей выразительностью на аллегорическом языке памятника сказать о том, что автора побудило написать „Слово“ твердое желание освободиться от чувств и мыслей, волновавших его. Слова автора, собственно, опровергают все то, что было сказано о целях „Слова“ в научной литературе. Не княжеская опала, не желание попасть в думцы, не заточение вследствие трусости на войне или воровства и т. п. заставили его обратиться к князю, а внутреннее побуждение, определенный строй идей и чувств. В „Молении“, как мы видим, это место уже сильно изменено. Оно, очевидно, оказалось непонятным для составителя новой редакции памятника.

* * *

Высказав намерение раскрыть в „Слове“ самые заветные свои мысли и чувства, автор ожидает порицания со стороны князя, быть может, потому, что среди сатирических образов, нарисованных им, нашли свое место и „князь скуп“, и княжеский „тивун“, и княжеские „рядовичи“. Но ожидая порицания, он не думает о раскаянии, хотя и сознает, что его одиночество, бесчестие и невзгоды являются следствием того, что он не имеет „плода покаяния“.

„Но боюсь я, господин, порицания твоего, — читаем мы здесь. — Я ведь подобен той смоковнице проклятой: не имею плода покаяния; у меня сердце (непроницаемо), как лицо слепого; и ум мой бодрствует (в одиночестве), как ночной ворон среди развалин;¹ и жизнь моя, как

¹ „Уподобихся неясати пустыней, бых яко ношный вран на нырищи“ (Пс. СІ, 7—8).